

Научная статья

УДК 372.881.161.1+378.147

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.53.19

Методические приемы работы со средствами морфологического уровня на занятиях по дисциплине «Филологический анализ текста» в педагогическом вузе

Наталья Николаевна Кузнецова

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, natlog65@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9085-7360>

Аннотация. Статья продолжает исследование методических приемов при изучении средств различных уровней языка, создающих выразительность художественного (поэтического) текста и передающих его основные смыслы. В центре нашего внимания — специфика использования морфологических средств художественного текста и методика работы с ними на занятиях по дисциплине «Филологический анализ текста» в педагогическом вузе. Автором предпринята попытка очертить круг экспрессивных морфологических средств, перспективных для выражения основных смыслов произведения, выделить маркеры, которые помогут студентам увидеть их в тексте, а также выработать оптимальные методические приемы для работы с этими средствами. Сделан вывод о том, что к наиболее выразительным морфологическим средствам относятся: части речи, способные выражать предикативную семантику; части речи и формы, попадающие в зону переходности, в ряде случаев — служебные части речи, прежде всего предлоги в переносных значениях; стилистически окрашенные грамматические формы, а также специфика расположения грамматических средств в тексте. Маркером присутствия значимых и выразительных смыслов в основном является нарушение норм образования и сочетаемости словоформ и частей речи. Основным видом работы при этом является соотнесение грамматических значений с семантикой образа. Возможны и новаторские формы работы.

Ключевые слова: поэтический текст, выразительные средства художественного текста, основные смыслы произведения, средства морфологического уровня, методика, виды работ.

Для цитирования: Кузнецова Н. Н. Методические приемы работы со средствами морфологического уровня на занятиях по дисциплине «Филологический анализ текста» в педагогическом вузе // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 1 (53). С. 286—312. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/53/19_53_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.53.19.

Original article

Methodical use of morphological means in Linguistic text analysis class at a pedagogical university

Natalya N. Kuznetsova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, natlog65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9085-7360>

Abstract. The article continues to study methodical techniques of using linguistic means of various levels that add expressiveness to a fiction (poetic) text and convey the meaning. The article is focused on using morphological means of a fiction text and methods of working with them in Linguistic text analysis class at a pedagogical university. The author attempted to outline the range of expressive morphological means applied to express the meaning, to find the indicators that would help students see those means in the text, and to develop methodical techniques to work with the means. It is concluded that the most expressive morphological means include: parts of

© Кузнецова Н. Н., 2025

speech capable of expressing predicative relations; parts of speech and transitive forms, sometimes structural parts of speech, primarily prepositions in figurative meanings; stylistically colored grammatical forms, as well as the place of grammatical forms in the text. The presence of significant and expressive meaning is usually indicated by the violation of norms of formation and compatibility of word forms and parts of speech. The main type of work in this case is the correlation of grammatical meanings with the semantics of the image. Innovative forms of work are also possible.

Keywords: poetic text, expressive means of a fiction text, main meanings of a literary work, morphological means, methodology, types of work.

For citation: Kuznetsova N. N. Methodical use of morphological means in Linguistic text analysis class at a pedagogical university. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 1 (53), pp. 286—312. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.53.19>.

Введение

Создание экспрессивности в поэзии при помощи грамматических средств языка в первую очередь связывают не с актуализацией различных смыслов, как у лексических средств, а с вариативностью, которая может заключаться в варьировании не только различных грамматических признаков (нормативных/ненормативных), но и способов расположения форм и частей речи в тексте (одиночная/ряд, соположенные/контрастные). Причем это могут быть как узуальные формы, так и окказиональные. Специфика именно поэтического языка в немалой степени связана с тем, что он требует максимального напряжения всех вариативных возможностей. Вариативность рассматривается как выбор, позволяющий наиболее точно и экспрессивно передать свою мысль или повысить/понизить градус эмоциональности.

При этом необходимо учитывать, что выразительность, являющаяся следствием нарушения грамматических связей и особым образом выстроенных грамматических форм, накладывается на выразительность, заложенную в смысловой структуре слов, поскольку в русском языке лексические значения всегда оформлены и классифицированы грамматически. Образование подобных форм следует классифицировать не как нарушение нормы, а как свидетельство гибкости и развивающегося характера системы языка. Поэтому экспрессивность грамматических, в том числе и морфологических, средств носит несколько иной характер по сравнению с экспрессивностью средств лексического уровня. С одной стороны, ее нельзя не учитывать при рассмотрении выразительности лексических средств, с другой — она основана не столько на семантике, сколько, в значительной степени, на вариативности грамматических форм и их расположения. Детальное изучение средств морфологического уровня в соотношении с лексическими, а также выявление оптимальных методов работы с ними в вузе и школе, несомненно, даст более полную картину при изучении выразительных средств языка поэтического текста в целом.

Исследуя состояние изученности данной проблемы в филологических исследованиях последних лет, отметим наиболее часто разрабатываемые аспекты. Наш интерес вызвали работы, посвященные основополагающим вопросам языкознания. В первую очередь это глубокая, детальная статья Н. Д. Голева об антиномиях русской морфологии «коммуникативное-когнитивное-синтагматическое-номинативное». В ней, в частности, указывается, что в тексте «морфологические механизмы включаются на втором (лексико-морфологическом) этапе движения от глубинных структур к поверхностным» [11, с. 97]. Тем самым акцентируется внимание на том, что процессы отбора лексических единиц и грамматических форм объединены на одной ступени: «прежде чем стать единицей текста, лексема должна пройти содержательную и формальную идентификацию, в соответствии с которой лексема находит свою грамматическую форму и становится словоформой» [11, с. 97]. Поэтому работа с морфологическими средствами художественного текста, которой на занятиях по филологическому анализу отводится лишь эпизодическая роль (как

можно судить по большинству современных статей), несомненно, должна стать более целенаправленной и систематической. Тем более, что в художественном тексте актуализировать важные для понимания произведения смыслы могут единицы всех уровней языка. Кроме названной работы общезыковым вопросам посвящены статьи Н. В. Бочковской [6], которая исследует взаимодействие морфологического и синтаксического уровней как действие тенденции к аналитизму, а также И. Д. Михайловой [27], раскрывающей суть работы с дисциплиной «Мышление и письмо», введенной для всех направлений подготовки студентов первого курса МГПУ.

Большой удельный вес в современных исследованиях имеют работы, посвященные разным видам анализа художественного текста (как правило, отдельных произведений): филологическому [24; 31], культурологическому [26; 30; 49], морфологическому и лексическому [33], методическому [34], в том числе и в работе с иностранными студентами [7; 12].

Значимым аспектом работы со студентами вузов является поиск и разработка методов и приемов работы, направленной на активизацию деятельности студентов в процессе обучения и формирование у них определенных компетенций [17; 29; 35; 43].

В отдельных статьях рассматриваются вопросы, связанные с конкретными темами по морфологии (с теми или иными формами, грамматическими категориями), в том числе и в сопоставительном аспекте [13; 36; 44; 45; 47].

Тем не менее публикации, в которых изучались бы приемы работы с морфологическими средствами художественного текста в системе на занятиях по «Филологическому анализу текста» в педагогическом вузе, отсутствуют. Это обуславливает актуальность и новизну нашего исследования. Ранее нами рассматривались приемы работы с лексическими и словообразовательными средствами поэтического текста в курсе «Филологический анализ текста» в педагогическом вузе [20; 23]. В целях поддержания системности и последовательности работы со студентами необходимо рассмотреть данную проблему и на морфологическом уровне.

Несмотря на то что и основные смыслы художественного произведения, и его выразительность, и его неповторимый стиль создаются всеми языковыми средствами в совокупности, студенты, которым в будущем предстоит работать со школьниками, должны четко представлять, какими возможностями в этом плане обладает каждый языковой уровень. Поэтому при изучении дисциплины мы уделяем данной теме достаточное внимание и на лекциях, и на практических занятиях. Полученные знания и приобретенные навыки могут оказать значительную помощь будущим учителям русского языка и литературы и сделать анализ художественных текстов более полным и аргументированным. К тому же подобная работа соответствует современным требованиям федерального стандарта, поскольку на ОГЭ и ЕГЭ необходимо продемонстрировать умения и способность комплексно анализировать текст.

В связи с этим цель нашего исследования — представить разработки в области теории и практики филологического анализа морфологических средств художественного (поэтического) текста. В данной статье мы исследуем возможности единиц морфологического уровня при создании выразительности и передаче основных смыслов произведения, а также виды работ с ними в вузе и школе. Если синтаксические средства наряду с лексическими (а в поэтическом тексте и фонетическими) «работают» в любом художественном произведении, то морфологические проявляют свою активность далеко не во всех текстах. Кроме того, очевиден имплицитный характер экспрессии морфологических структур в отличие от лексических. Именно поэтому студенты часто испытывают затруднения в их обнаружении и анализе, что делает работу с ними необходимой. Следует четко

выявить и обозначить возможности единиц данного уровня и их роль в филологическом анализе текста на лекциях и специфику работы с ними на практических занятиях.

Говоря о «возможностях», мы подразумеваем их способность выступать в качестве средств выразительности и передавать значимые для понимания произведения смыслы. В наших работах не раз утверждалось, что это два теснейшим образом связанных явления, поскольку экспрессивным в художественном тексте становится только то, что актуализирует основные смыслы произведения. Выразительные средства действуют по принципу выдвижения, в первую очередь привлекая внимание читателя, и то, что является второстепенным, неважным для понимания темы и идеи текста, на первый план выдвигаться не будет.

Что же касается способности морфологических и в целом грамматических средств выражать смыслы, то следует отметить ряд моментов. Во-первых, в отличие от фонологических элементов структуры, которые всю свою значимость получают от лексических единиц, морфологические (и другие грамматические) элементы структуры имеют и самостоятельное содержание [21, с. 285]. Другими словами, в грамматических средствах имеет место наложение лексической и грамматической семантики, и цель работы с ними на занятиях по «Филологическому анализу текста» — обнаружить взаимосвязь и причинно-следственные связи: как та или иная информация о грамматических свойствах словоформы может выражать предметно-понятийную информацию.

Во-вторых, следует учитывать, что грамматические средства, как правило, не самостоятельно актуализируют ту или иную семантику, а дублируют лексическую, следовательно, чаще всего призваны не просто выражать, а усиливать те смыслы, которые уже реализованы лексическими средствами. Это в определенной степени облегчает нашу работу со студентами, поскольку есть на что опереться: в большинстве случаев выявление важных для понимания смыслов произведения, реализуемых лексическими средствами, вызывает у обучающихся гораздо меньше затруднений.

В-третьих, на занятиях по дисциплине мы часто говорим об основной особенности языка художественной литературы — способности языковых единиц актуализировать так называемые «новые» смыслы (расширять значение слова, выражать созначения, дополнительные значения), т.е. реализовать семантику, не закрепленную за единицей узואльно. Однако если в отношении лексических средств речь идет об образовании именно новых смыслов, то в отношении грамматических — чаще о способности выражать смыслы предметно-понятийного (неграмматического) характера вообще, поскольку они, как отмечено выше, в основном дублируют то, что актуализируют лексические.

В-четвертых, если грамматические средства актуализируют основные смыслы произведения и выступают в качестве выразительных, то, как правило, имеют место «маркеры» — какие-либо средства, сигнализирующие об этом. Например, нарушение нормы (а точнее, ее «расшатывание»), а именно нарушение сочетаемости или приобретение нетипичных грамматических признаков; «отход» от идеальной модели; «ненейтральность», или стилистическая окраска — книжная, разговорная функциональная; особенности расположения — часто стяжение, даже нагнетание тех или иных грамматических единиц, соположенных или контрастных. Виды работ с этими «маркерами» на занятиях по дисциплине можно отнести к вспомогательным, к тем, которые могут развить у студентов навыки распознавания морфологических средств, что способствует более глубокому пониманию художественного текста.

В-пятых, в ходе лекций по данной теме необходимо приучать студентов смотреть на те или иные явления, процессы, исследуемые при филологическом анализе текста, более широко, в рамках общелитературного процесса XX—XXI веков, и обращать их внимание

на тот факт, что активная роль грамматических средств в художественном произведении, прежде всего в поэтическом, обусловлена двумя противоположными тенденциями: с одной стороны, к повышению уровня единицы (морфемы, словоформы, служебного слова и т.д.), с другой — к тесному взаимодействию всех уровней языка [21, с. 286—287].

Следствием первой (вернее, ее обнаружения) является возможность и необходимость нашей работы с этими средствами в ходе филологического анализа текста в целом, так как до последней четверти XX века за ними не признавалась способность к выражению какой-либо другой семантики, кроме собственно грамматической, и, соответственно, в качестве средств, влияющих на содержание произведения или создающих его, они не рассматривались. Это, несомненно, обедняло анализ художественного текста, лишало его необходимой многоаспектности. На современном этапе развития филологической науки при анализе художественного произведения мы можем опираться на весь спектр единиц всех уровней языка. И в плане выражения важных смыслов произведения анализ возможностей грамматических средств и их роли крайне важен, так как именно они формируют и делают видимой модель поэтического мира и показывают, в каких отношениях находятся явления окружающего мира [21, с. 283].

Вторая же тенденция по сути является нашим исходным принципом при филологическом анализе поэтического текста: поскольку в нем форма и содержание связаны друг с другом наиболее тесно, постольку безусловное разграничение грамматического и лексического этих средств не представляется возможным [21, с. 284]. Однако при изучении потенциала и особенностей каждого языкового уровня в отдельности, в том числе и грамматического, наш анализ на заключительном этапе — объединения сведений по каждому уровню языка текста — приобретет необходимую обоснованность, системность и глубину.

Обозначенная цель предполагает решение следующих задач: 1. Выявить средства морфологического уровня, которые могут активно выражать основные смыслы произведения и создавать его выразительность, а также их специфику. 2. Дать сведения о маркерах для обнаружения морфологических средств, которые играют особую роль в актуализации основных смыслов произведения и в создании его выразительности. 3. Предложить виды работ с морфологическими средствами и их маркерами на занятиях по дисциплине «Филологический анализ текста» в педагогическом вузе. 4. Дать образцы выполнения предложенных заданий. 5. Выявить случаи затруднения у студентов при выполнении данных заданий.

Результаты исследования

Нами выделен ряд наиболее перспективных морфологических средств, которые предполагают значительным потенциалом при выражении основных смыслов в художественном тексте и создании выразительности. Обратимся к набору этих средств, видам работ при филологическом анализе текста, а также к маркерам, которые помогут студентам обнаружить их в тексте.

Наблюдение над частями речи, предрасположенными к выражению предикативных значений

Среди грамматических средств в художественном (особенно поэтическом) тексте особую роль играют части речи, способные выражать предикативную семантику. Это имена прилагательные и глаголы. Они скрепляют синтагмы, устанавливают точки соприкосновения между разными проявлениями предметного мира, соединяют разные и внешне не соотнесенные предметы сквозными мотивами и образами [21, с. 70]. Предикация в отличие от номинации, отражающей мир предметный, наполняет поэтический мир «событиями». Это возможность раскрыть различные внешние и внутренние качественные

характеристики мира предметного в процессе познания, в каждой новой ситуации, что приобретает особое значение в поэтическом тексте, поскольку круг так называемых традиционных поэтических денотатов ограничен (например, *закат, луч, море, небосклон* и проч.). В связи с этим очевидна необходимость в каждом новом тексте сказать о них что-то новое, взглянуть на них с совершенно неожиданной стороны, тем самым предлагая читателю все новые и новые пути поэтического освоения мира. Следовательно, именно на части речи, способные выражать предикативную семантику, ложится основная информативная нагрузка, что обуславливает их приоритет при филологическом анализе поэтического текста. Поэтому маркером в данном случае является частеречная принадлежность — тропы, выраженные прилагательными и глаголами, могут сообщить о предмете речи гораздо более значимую информацию по сравнению с другими частями речи.

Что касается вида работы с ними, то здесь, по нашему мнению, наиболее оптимальным и наглядным является рассмотрение текстов с одним поэтическим денотатом в окружении поэтических предикатов, выраженных разными частями речи:

1. *Зловещ горизонт и внезапно,*

И в кровоподтеках заря,

Как след незаживших царапин

И кровь на ногах косаря [32, с. 464].

2. *Где звучит в конце аллеи*

Эхо у крутого спуска

И зари вишневый клей

Застывает в виде сгустка [32, с. 458].

3. *Все шире крылья раскрывая,*

Заря безмолвствует, ясна, —

А там, внизу, кипит живая,

Ледяная голубизна [15, с. 233].

4. *Ясный вечер, зимний и холодный,*

За высоким матовым стеклом.

Там в окне, в зеленой мгле подводной

Бьются зори огненным крылом [10, с. 65].

На занятиях со студентами констатируем, что во всех данных контекстах присутствует поэтический денотат *заря*, и пытаемся выявить различия между предикатами в зависимости от частеречной выраженности элементов тропа. Данный денотат является одним из самых распространенных поэтических образов. Причем он обозначает и собственно зарю (т.е. восход солнца), и закат (ср.: *По темному саду брожу я в тоске, Следя за вечерней зарею...* [42, с. 133]). Это способствует еще большей его частотности. Картины, включающие данный образ, могут обладать разным экспрессивным зарядом. Например, сравним приведенные выше контексты со следующими: *Зари холодный свет погас; Я долго ждал. Уже заря покрыла неба половину; Встали зори красные, Озаряя снег; Заря бледна и ночь долга...* [42, с. 133—134]. В них окружение денотата *заря* минимально и традиционно, и поэтому образ обладает небольшим выразительным потенциалом. Прилагательные же и глаголы (и глагольные формы), указывающие на новые признаки данного объекта и способность к новым действиям, значительно усиливают экспрессивность образа, и градационная шкала здесь может быть очень пространной. В приведенных контекстах, например, наблюдаем и лексему с интенсивным значением (*зловещ*), и различные распространители — морфологические и синтаксические, в том числе и обособленные члены предложения (*в кровоподтеках, вишневый клей, все шире крылья раскрывая, бьются огненным крылом*). Это позволяет авторам варьировать тра-

диционные поэтические предикаты бесконечно и за счет этого, меняя регистр эмоциональной напряженности, создавать различные по яркости и степени воздействия образы.

Поэтому эффективными видами работ здесь будут лингвистический комментарий определенных поэтических денотатов, их сопоставительный анализ в различном окружении (с прилагательными, глаголами и без них), а также задание творческого характера — подбор подобных контекстов самими учащимися.

Наблюдение над переходными явлениями в системе частей речи (и среди лексико-грамматических разрядов) и приобретением формой нетипичных для нее грамматических признаков

Не вызывает сомнений, что для создания экспрессивности наиболее перспективными являются части речи и формы, находящиеся в так называемой зоне переходности. Среди всех грамматических единиц и процессов, которым следует уделить основное внимание при филологическом анализе текста, особое место занимают явления переходности. По словам В. В. Бабайцевой, которая разработала теорию переходности, «многолетние наблюдения над явлениями синхронной переходности показали, что синкретичные факты характеризуются семантической емкостью, что делает их выразительнейшими средствами в речевом общении» [4, с. 6]. Другими словами, то, что подобные средства совмещают в себе семантику и свойства двух частей речи, двух форм или двух разрядов, значительно обогащает их семантику, всегда выделяет среди других средств языка, в первую очередь фиксируется носителями языка, и именно это позволяет им играть особую роль в художественном тексте, поскольку они могут сообщать о предмете более емкую информацию, передавать богатый спектр эмоций и поэтому обладать значительной силой воздействия. При этом они сами, по сути, и являются маркерами присутствия тропа, переносного значения, его экспрессивности, поскольку в силу своей ненормативности, совмещения семантики очень заметны в тексте.

Явление переходности пронизывает всю систему языка. На морфологическом уровне в зону переходности попадают многие части речи и их разряды, которые могут служить объектом филологического анализа.

А. Существительные *Singularia tantum* (абстрактные, вещественные и собирательные), которые при возникновении переносного значения в составе тропов и фигур приобретают грамматические признаки существительных, имеющих обе формы числа. К ним относится, во-первых, способность к образованию форм множественного числа, во-вторых, способность подвергаться счету, т.е. сочетаться с числительными. Формы множественного числа от существительных *Singularia tantum*, будучи ненормативными, всегда воспринимаются как ненейтральные, поэтому они выделяющиеся, выразительные.

Как отмечают исследователи, данный процесс чаще характерен для абстрактных имен существительных в связи с нечеткостью в определении самого понятия отвлеченности, а также с возникновением всякого рода семантических сдвигов в этих формах [21, с. 292]. Прежде чем рассматривать данное средство на занятиях со студентами, необходимо отметить, какую семантику могут актуализировать формы множественного числа от абстрактных существительных в художественном тексте. Понятно, что часто это значение повторяемости или длительности. При этом лингвисты выделяют множественное бытийное, ситуативное, временное, пространственное, интенсивное [21, с. 296].

Следует отметить, что данное проявление переходности в поэтических текстах является самым частотным, например:

1. *Плыл туман, как **фимиамы**
Тысячи кадил.*

Спутник песенкой упрямо

Сердце бередил [3, т. 1, с. 84].

Если слово *фимиам* неизвестно студентам, они могут обратиться к этимологическому словарю или найти значение лексемы в Интернете. Она употребляется только в составе фразеологизма *курить фимиам* ('восхвалять') и происходит от греч. *thymiata* (фимиам, благовоние) — благовонное вещество, сжигаемое при богослужении, ладан, а также ароматический дым, возникающий при сожжении этого вещества.

Совершенно очевидно, что в данном контексте форма множественного числа этого слова с фразеологически связанным значением (которое в норме не имеет других форм, кроме формы единственного числа винительного падежа, хотя в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), например, отмечается 37 случаев употребления данной лексемы во множественном числе), получая распространение за счет уточнения *тысячи кадил*, передает очень высокую степень интенсивности тумана и призвана максимально усилить атмосферу неясности, смутности в стихотворении, где речь идет о таинственном незнакомце.

2. *Вы где теперь — в Крыму ли, в Ницце!*

Вы далеки от зимних пург,

А мне... мне каждой ночью снится

Ночной, морозный Петербург [15, с. 227].

Анализ формы множественного числа от слова *пурга* (в НКРЯ отмечено всего 10 случаев подобного употребления) здесь обычно не вызывает у студентов затруднений: в данном случае избыточный, казалось бы, эпитет *зимних (пург)* в сочетании с данной формой множественного числа также работает на интенсивность образа, отражая значение большого количества, обилия снега в России — в противоположность теплой Франции — и длительности русской зимы, что не пугает лирического героя, а наоборот, вызывает ностальгию.

3. *Средь содомов двадцатого века,*

что циничен, могуч и умен,

слышу: голос святой человека

из минувших доходит времен! [8, с. 126].

4. *Стоишь, плечами небо тронув,*

Превыше помыслов людских,

Превыше зол, превыше тронов,

Превыше башен городских [39].

Здесь целесообразно указать на близость данных контекстов и попросить студентов подобрать синоним к словам в форме множественного числа *содомов* (в НКРЯ отмечено 20 случаев) и *зол*, который подходит для обоих случаев. Это слово *пороки*. В связи с этим становится более понятно, что употребление данных лексем в форме множественного числа привносит в их лексическое значение смысл 'повсеместно встречаемые', т.е. указывают на частотность и распространенность проявлений данных качеств в обществе.

5. *И буду я лежать с улыбкой мертвеца*

и неподвластный всем недугам.

И два беспамятства — начала и конца —

меня обнимут музыкальным кругом [41].

В данном контексте студенты обращают внимание на ненормативное сочетание абстрактного существительного *беспамятства* с числительным *два*, что указывает на актуализацию им смысла 'состояние'. Столь явное нарушение сочетаемости выдвигает данное слово на первый план, делая его смысловым центром строфы, а выявленный смысл

позволяет нам понять основную мысль контекста: первое «беспмятство» — это рождение человека, который еще не понимает, что происходит вокруг, а второе — его смерть, когда он умирает, уходя в беспмятство, в небытие.

Приведенные примеры убеждают нас, что существительные *Singularia tantum* в форме множественного числа в художественном тексте никогда не остаются незамеченными, бесспорно выделяясь на фоне нормированных единиц языка, в связи с чем они вряд ли могут использоваться при создании проходных, второстепенных образов. Их явное выделение обуславливает необходимость актуализации только значимых смыслов произведения. Поэтому данным грамматическим формам при филологическом анализе текста следует уделить самое пристальное внимание.

Однако в поэтическом тексте при акцентировании внимания на том или ином смысле всегда имеется возможность для усиления выразительности. Так, даже такое заметное, выделяющееся морфологическое средство располагает возможностями для интенсификации значения, например:

б. А Пушкин думал: «Он весьма умен
И крепок духом. Видно, метит в Бруты.
Но времена для **брутов** слишком круты.
И не из **брутов** ли Наполеон?» [40].

В данном контексте наблюдаем, как приобретение существительными *Singularia tantum* признаков другого разряда сопровождается взаимодействием с другими грамматическими категориями — это переход имен собственных в нарицательные. Необходимо, чтобы студенты в ходе филологического анализа установили, как подобное «сгущение» грамматической (морфологической) семантики поддерживает, усиливает и развивает семантику лексическую и тем самым не только способствует усилению выразительности текста, но и актуализации важных для понимания произведения смыслов. Слово *Брут/брут* повторяется трижды (в НКРЯ отмечается 13 случаев употребления данной формы в других контекстах, но во всех как имени собственного).

Такой настойчивый повтор в пределах четверостишия, с чередованием собственного и нарицательного существительного, безусловно, просто «выталкивает» его на первый план. Это ставит студентов перед необходимостью найти дополнительную информацию, например, в сети Интернет. Так, Википедия утверждает, что Марк Юний Брут — это римский политический деятель и военачальник из плебейского рода Юниев, который известен прежде всего как убийца Гая Юлия Цезаря. На ранних этапах своей карьеры он был признан видным оратором и получил почетный титул *princeps iuventutis* — «первый среди молодежи». В гражданской войне между Цезарем и Помпеем поддержал последнего. После битвы при Фарсале перешел на сторону Цезаря и занял видное место в его окружении. Несмотря на это и на близкие отношения с Цезарем, который, возможно, даже мог быть его биологическим отцом, Брут стал одним из организаторов и непосредственных участников его убийства. В связи с вышесказанным, несмотря на признание его несомненных талантов, позволивших ему стать великолепным оратором и видным политиком, на нем было клеймо предателя, благодаря чему и появилось устойчивое выражение «И ты, Брут?», которое олицетворяет вероломное предательство, совершенное самым верным соратником. Поэтому в последующие эпохи личность и деятельность Брута оценивалась крайне противоречиво.

Именно это противоречие отражено и в приведенном контексте, в котором Пушкин якобы оценивает одного из лидеров декабристского движения Павла Пестеля. «*Метит в Бруты*» здесь — стремится свергнуть монархию (Пестель считал, что Россия должна стать республикой) и захватить политическую власть, т.е., по сути, предать государя, ко-

тому присягал. «*Времена для брутов слишком круты*» (уже как имя нарицательное) здесь — для бунтовщиков. «*Не из брутов ли Наполеон*» (также как имя нарицательное) здесь — о человеке низкого сословия, своими талантами и амбициями добившегося высокого положения.

Другими словами, анализируя приведенный контекст, мы не можем ограничиться лишь знанием крылатого выражения и говорить только о предательстве. Нам необходимо привлечь сведения об исторических фигурах Брута и Пестеля в полном объеме. И на эту необходимость указывают прежде всего грамматические признаки — форма числа и вариации в пределах одного лексико-грамматического разряда (собственные/нарицательные). Как указывают Г. А. Хайрутдинова и Чжан Синьсинь, исследуя особенности семантики категории числа, «кроме основных значений (единичности и расчлененного множества предметов), формы числа русских субстантивов в зависимости от лексического значения, условий контекста могут иметь и неосновные значения. У форм единственного числа в качестве неосновных обычно называют *обобщенно-собирательное и дистрибутивное* значения, у плюральных форм — *собирательное и гиперболическое* значения» [45, с. 164]. В данном контексте существительное *Бруты/бруты* во всех трех случаях, несомненно, выражает собирательное значение, которое является переносным и поэтому многоаспектным. Это доказывает, что грамматические категории и формы способны выражать не только морфологические (нейтральные) признаки, но и располагают семантическим (а следовательно, и выразительным) потенциалом, который надо учитывать при филологическом анализе текста.

7. *Рано утром приходят в скверы*

Одинокие злые старухи,

*И скучающие **рантьеры***

На скамейках читают газеты [37].

В данном контексте приобретение существительными *Singularia tantum* признаков другого разряда также сопровождается взаимодействием с другими грамматическими категориями, поскольку форма множественного числа *рантьеры* (в НКРЯ отмечается 2 случая) здесь образована от несклоняемого существительного *рантье*. Она актуализирует значение частотности — рано утром людей, которым не надо утром на работу и которые, следовательно, имеют доход, лирический герой в скверах встречает *часто*. Если же учесть, что в Советском Союзе (стихотворение написано Д. Самойловым в 1958 г.) *рантье* в прямом смысле этого слова быть не могло, то можно предположить, что морфологический окказионализм *рантьеры*, по сути, здесь является эвфемизмом слова *бездельники*. Он призван выразить соответствующие эмоции (иронию, даже пренебрежение и недоумение: откуда у нас столько людей, которые в такой час могут прогуливаться по парку?). Данные эмоции поддерживаются эпитетами *злые*, *скучающие* и маркируют данных персонажей как отрицательных членов противопоставления. С одной стороны, это скучающие обыватели, от постоянного безделья утратившие способность воспринимать окружающий мир во всем его многообразии и постоянном обновлении (примечательно, что к таким людям автор причисляет и себя), с другой — нечто чудесное, что в нем может иногда появляться: «*Это странное стихотворенье посвящается нам с тобою. Мы с тобой в чудеса не верим, Оттого их у нас не бывает*». В данном случае мы видим, как средство морфологического уровня активно поддерживает и развивает смыслы, выраженные лексическими средствами. Именно своей необычной формой оно инициирует ход наших рассуждений при филологическом анализе текста.

Б. Смена формы рода имен существительных. Род у данной части речи является постоянным признаком, и поэтому его смена всегда максимально заметна. Столь явное

нарушение норм языка в поэтических текстах встречается нечасто. Отсылаем студентов к исследованию Л. В. Зубовой [14], в котором ею собрано и классифицировано достаточно много подобных примеров (в качестве вида работы здесь можно использовать индивидуальное сообщение по данной статье нескольких студентов):

*1. Но я хочу ему напротив подчеркнуть,
что у письма есть храмовая суть,
и не в стилистико-медовых ароматах, —
скорей — в полумычаниях громадных,
где исказился честный лик грамматик,
и вся скривилась правильная путь* (Бобышев) [14].

Отмечаем, что употребление слова *путь* в женском роде привлекает к нему основное внимание и в то же время создает определенную эмоциональную тональность — ироничный взгляд на тему. Студенты филологического факультета уже изучали историческую грамматику и поэтому понимают причину смещения слов типа *путь, гость, нить, весть*: будучи остатками древних склонений, они, хотя и относятся к разным родам, тем не менее их «похожесть» по финали (концу слова) очень заметна и предопределяет возможность языковой игры с ними.

*2. Кругом тишина непролазная,
Природа угрюмая спит.
А тут человека образная
Улыбкой во тьме шелестит* (Левин) [14].

Здесь смена рода связана с «противоречием между грамматическим родом референта и полом денотата», что вообще характерно для категории рода, поскольку данная категория «не является ни полностью лексической, ни полностью грамматической» [14]. Вследствие этого, с одной стороны, в языке наблюдаются «отступления в бинарной оппозиции мужского и женского», а с другой — признак пола приписывается неживым предметам, для которых он не реален [14]. Случаи, когда «грамматический род выражен, а семантический не маркирован», Л. В. Зубова называет «согласовательными аномалиями» [14]. Это проявляется в том, что у ряда слов может отсутствовать соответствующее существительное по роду, например, у слов *человек* (нет формы женского рода), *птица* (нет формы мужского рода). Здесь же, для создания комического эффекта, обыгрывается слово *человекообразная*, которое дает возможность легко образовать форму женского рода (благодаря неразличению в безударном положении звуков [о] и [а] на конце первого корня), а также в связи с фонетическим сходством второго корня со словом, имеющим яркую экспрессивную окраску — *образина*, намекающим на соответствующие внешние качества персонажа.

*3. А потом Дантес в кольчуге
Из Парижа своего
Как пультет под пенье вьюги
В тело нашего всего!
Наше все со смертью бился,
Но терял с пространством связь,
И к друзьям он обратился,
к стеллажам оборотясь* (Голь) [14].

В данном контексте наблюдаем употребление местоимения в среднем роде рядом с глаголом прошедшего времени в форме мужского рода, к тому же в составе широко известной фразы А. Григорьева «Пушкин — наше все!». Л. В. Зубова назвала это «грамматическим конфликтом субстрата с субститутотом (влияние цитатного подтекста на изме-

нение в роде)» [14]. Фамильярный, небрежный тон повествования по отношению к такой фигуре нашей культуры и, самое главное, к такой трагической теме (дуэли и смерти Пушкина) демонстрирует, как «эмоциональная метафора, растиражированная цитированием, становится ярлыком и вытесняет представление о живом человеке» [14].

Делаем вывод, что языковая игра с категорией рода является ярким выразительным средством и способна решать различные коммуникативные задачи, передавать все многообразие отношений семантики и грамматики в слове и определять эмоциональный фон произведения в целом. Обращение студентов к Национальному корпусу русского языка позволяет заметить, что подобные формы воспринимаются как явное нарушение норм языка, в отличие от форм множественного числа существительных *Singularia tantum*, которые являются более частотными, потому что лишь «расшатывают» нормы, смещаются под воздействием возникновения дополнительных семантических оттенков. Об этом свидетельствуют отмеченные в НКРЯ примеры их употребления в различных контекстах. Подобных случаев использования ненормативных форм рода там нет, они единичны и присутствуют лишь в конкретных текстах с языковой игрой. В то же время именно их нетипичность значительно усиливает их экспрессивный заряд.

В. Переход относительных и притяжательных прилагательных в разряд качественных. Это одно из основных средств поэтической предикации. При переходе данных прилагательных в качественные у них развивается переносное значение, о чем свидетельствует контекст (например, *бронзовые, ртутные, хрустальные волны, театральные облака, воробьиный холодок*) [20]. При этом бóльшим экспрессивным зарядом обладают образы, в которых относительные и притяжательные прилагательные приобретают нетипичные для них грамматические признаки качественных прилагательных — прежде всего способность образовывать краткую форму и степени сравнения, а также некоторые другие: *а вечер, в шелках раздушенных кокетлив, невинен и южен; как ночь мучительна, мала, как волчья ягодка, химерна; что даже в спектре солнца такого цвета нет. Он был еще спектральней, зеленый до того, что я в окошко спальни молился на него; есть небоскреbestей порталы... есть покомпроматистей, как скалы и др.* (примеры по [21, с. 313]).

1. *В хрустальнейшем застое,
В отличнейшем Ничто,
А в комнате пустое
Сутулится пальто* [28, с. 255].
2. *Но с послушаньем непокорным
ты улыбнешься самым вздорным
из кукольнейших героинь* [18, с. 135].
3. *Цветущие каштаны, словно храмы
Открытые, сияют вдоль реки.
Их красоту задуют ветерки
Задорные, но в этот вечер — самый
Весенний из весенних вечеров —
Они чудесней всех твоих даров,
Незримый Зодчий! Кто-то тихо, чисто
В цветах звенит (кто, ангел или дрозд?),
И тени изумрудные слоистой
Листвы и грозди розовые звезд
В воде отражены* [28, с. 121].

4. Каким бы плотном батальным ни являлась

Советская *сусальнейшая* Русь.

Какой бы жалостью душа ни наполнялась,

Не поклонюсь, не примирюсь [28, с. 279].

Студентам дается задание сделать лингвистический комментарий, а именно выявить смыслы, которые относительные прилагательные, употребляясь в переносном значении, перейдя в разряд качественных и приобретя способность образовывать превосходную степень, актуализируют в данных контекстах. Отмечаем, что переход относительных и притяжательных имен прилагательных в разряд качественных влечет за собой кардинальные изменения как в грамматике, так и в семантике. В частности, они также приобретают способность качественных прилагательных включаться в синонимические ряды. И выявить интересующие нас смыслы можно подбором синонимов к этим прилагательным с учетом их новой семантики.

Так, в первом контексте прилагательное *хрустальнейший* (*застой*) призвано выразить наивысшую степень нереальности происходящего, поэтому синонимом к нему будет *лишенный реальности*; а к прилагательному *кукольной* (*героиня*) во втором контексте — *крайне неестественная*. К употреблению в составе синонимических рядов, цепочек, как известно, тяготеет метафорическое значение.

При метонимическом же значении, как правило, имеет место свертывание синтагмы [21, с. 196], что мы наблюдаем в третьем и четвертом контекстах. Здесь мы не сможем подобрать синонимы, но есть возможность развернуть, восстановить синтагму или более пространную конструкцию. Так, прилагательное *самый весенний* реализует значение 'вечер, когда вся прелесть этого замечательного времени года ощущается в наибольшей степени'. Прилагательное же *сусальнейшая* (*Русь*) отражает крайне высокую степень внешней атрибутики (внешней позолоты), которой придавалось слишком много значения в советской России в целях продемонстрировать всеобщее счастье и эйфорию от нового государственного устройства.

Г. *Переход указательных местоимений в разряд неопределенных:*

Здесь будет все; пережитое

В предвиденьи и наяву,

И те, которых я не стою,

И то, за что среди них слышу [32, с. 325].

И тот же тотчас же тупик

При встрече с умственной ленью,

И те же выписки из книг,

И тех же эр сопоставленья [32, с. 358].

Эти лица,

и те,

и те, —

Им

хоть сто,

хоть тысячу лет скости, —

Не сравнить с твоим

в простоте,

В прямоте

и суровой детскости [1, с. 120].

Примечательно, что местоимение, выполняющее прежде всего дейктическую функцию, как часть речи, способная создавать выразительность (а значит, и выражать важные для понимания произведения смыслы), до конца XX века практически не рассмат-

ривалось. Лишь сравнительно недавно в отечественном языкознании стали появляться работы, исследующие его экспрессивный потенциал [21, с. 340].

Приобретению местоимениями выразительных свойств в ряде случаев способствует попадание их в зону переходности. Это приводит к возникновению многоплановости в семантике, которая является сущностным свойством художественного текста. Студенты, проводя лингвистический комментарий, обнаруживают, что в приведенных контекстах в значении местоимений возникает совмещение по сути противоположных признаков. Указательные местоимения (подчеркивающие определенность признака или предмета) приобретают способность выражать их неопределенность: *те* — в значении ‘кто-то’; *то* — ‘что-то’; *тот* — в значении ‘какой-то’; *те* — ‘какие-то’; *тех* — ‘каких-то’; *эти*, *те* — в значении ‘некоторые’.

Д. Приобретение наречием как неизменяемой частью речи нетипичных для него грамматических признаков изменяемых частей речи и случаи нарушения сочетаемости:

1. *Не ладили две равных темноты:*

рояль и ты — два совершенных круга,

в тоске взаимной глухонемоты

терпя иноязычие друг друга.

Два мрачных исподлобья сведены

в неразрешимой и враждебной встрече:

рояль и ты — две сильных тишины,

два слабых горла музыки и речи [2].

2. *Ребята — при часах,*

девчата при серьгах,

живите — при сейчас,

любите — при Всегда [9].

В первом контексте в ходе лингвистического анализа наблюдаем, что наречие *исподлобья* сочетается с числительным, выступая в функции имени существительного, тем самым происходит нетипичный, нечасто встречающийся в языке метонимический перенос с признака действия (смотреть исподлобья) на его субъект. Он, несомненно, акцентирует внимание на эмоциях, которые выражает данное наречие (‘недоверчиво, недружелюбно’) и которые к тому же прямо названы прилагательными *мрачных*, *враждебной*, что способствует еще большему усилению выразительности образа. Во втором контексте морфолого-синтаксический анализ (как разновидность лингвистического) позволяет установить, что наречия употребляются с предлогами, также выступая в функции имен существительных, однако нетипичным здесь является не столько это, сколько использование в данных словосочетаниях предлога *при*. Более прогнозируемой и нормированной была бы конструкция с союзом *как* (как всегда). Нарушение языковых стандартов в двух последних строчках четверостишия обусловлено частичным параллелизмом с первыми двумя строчками, в которых присутствуют нормативные конструкции. Однако нахождение наречий рядом с предлогом в нетипичной конструкции обеспечивает им максимальное внимание. Так, если сравнить конструкции *живите при сейчас* и привычное *живите сегодняшним днем*, то первый вариант, как нестандартный, аномальный, резко выделяется в строфе и поэтому воспринимается как крайне выразительный. Аналогично функционирует и конструкция *любите при Всегда* (вместо *навсегда* или *вечно, до конца жизни*). При этом наречие пишется с заглавной буквы, однозначно ассоциируясь с существительным, которое в текстах часто выступает как имя собственное — Вечность. Следовательно, в данном случае наречие как средство морфологического уровня не только активно под-

держивает семантику, выраженную лексическими средствами, но и выполняет выделительную функцию, участвуя в ненормативной конструкции.

Маркером присутствия особой выразительности и важных для понимания произведения смыслов является приобретение наречием нетипичных для него грамматических признаков — способности употребляться с предлогами, как имена существительные. Именно эти причинно-следственные связи призван обнаружить наш лингвистический анализ. Как видим, он состоит в том, чтобы восстановить нормативную, более типичную конструкцию и сопоставить ее с созданной в тексте.

Однако чаще при использовании наречий в поэтических текстах в составе тропов и фигур нарушается только лексическая сочетаемость наречий:

1. Где связанный и пригвожденный стон?

Где Прометей — скалы подспорье и пособие?

А коршун где — и желтоглазый гон

*Его когтей, **летающих исподлобья**?* [25, с. 378].

2. С широкого шоссе

Идем во тьму лесную.

По щиколку в росе

Плутаем врассыпную [32, с. 448].

3. Так было в первый раз. Он знал, что встретит

*Глухую жизнь, **породистую встарь**,*

Но он не знал, что во второй и в третий

Споткнется сам об этот инвентарь [32, с. 299].

4. Он шел **породой, бьющей настежь**

Из преисподней на простор,

А эхо, как шоссейный мастер,

Сгребало в пропасть этот сор [32, с. 323].

В этих контекстах отмечаем, что нарушается именно семантическая сочетаемость наречия. Так, *исподлобья* можно смотреть, взглянуть и проч., но не *лететь*. Образы, создаваемые подобными языковыми средствами, как правило, вызывают затруднения в понимании у студентов. При их трактовке большую роль играет ассоциативность. В данном случае на первый план выходят не только смысл и соответствующая эмоция, выражаемые наречием (враждебность), но и зрительная составляющая: смотреть исподлобья — это смотреть, опустив голову, как бы *из-под* лба, и когти коршуна также видны *из-под* туловища. Подобный взгляд человека всегда ассоциируется с выражением несогласия, противодействия, агрессивности. И коршун, летящий клевать печень Прометея, также имеет враждебные намерения. Следовательно, для понимания этого образа значимы зрительные ассоциации, смысловые и эмоциональные, которые объединяют в нашем воображении две картины (человека и коршуна) и делают возможным появление подобных конструкций, в значительной степени противоречащих языковой норме.

Во втором контексте наречие *врассыпную* сочетается с глаголом *плутаем*, хотя языковой нормой будут скорее глаголы *бросились*, *кинулись*. Однако появление в данном тропе глагола *плутать* вполне понятно, он здесь также указывает на смыслы, являющиеся содержанием зрительного образа: ‘несколько человек, бредущие наугад в различных направлениях, на какой-то обширной пересеченной местности, где можно заблудиться’. В третьем контексте нарушение сочетаемости (*жизнь, породистая встарь*) является следствием эллипсиса, пропущенных позиций в предложении: *жизнь, которой встарь (раньше) была присуща породистость*, т.е. высокое качество. В четвертом контексте метафора *он шел породой, бьющей настежь* прежде всего призвана выразить очень

высокую степень интенсивности, даже мощи, поскольку данные семы присутствуют в семантических структурах всех трех слов: *порода* — ‘**масса**, обломки горных пород’, *бить* — ‘извергаться, **хлестать**’, *настежь* — ‘до конца, **до упора**’.

5. Я, наверно, неправ, я ошибся,

Я ослеп, я лишился ума.

Белой женщиной мертвой из гипса

*Наземь **падает навзничь зима*** [32, с. 473].

6. Париж в золотых тельцах, в дельцах,

В дождях, как мщенье, долгожданных.

По улицам летит пыльца.

Разгневанно цветут каштаны [32, с. 169].

7. *Хмуро **тянется день непогожий.***

Безутешно струятся ручьи

По крыльцу перед дверью прихожей

И в открытые окна мои [32, с. 369].

В данных контекстах наречия используются более традиционно — в метафорах, когда свойства живых предметов приписываются неживым. Возникновение (или усиление) переносного значения в подобных метафорах всегда влечет за собой нарушение сочетаемости наречий. Данной части речи, с одной стороны, в основном свойственна нейтральность, яркая стилистическая (чаще всего разговорная) окраска, а с другой — интенсивность значения. Поэтому образы, создаваемые при помощи наречий, часто отличаются значительный экспрессивный потенциал. В образе *Падает навзничь зима* имеет место метонимический перенос со свойства субъекта на него самого: на самом деле падает не зима, а снег, который можно расценивать как свойство зимы. Данная метонимия создает масштабность картины — и по объему пространства (заявлено, что падает не снег, а сама зима), и по интенсивности действия, которая заложена в семантике наречия *навзничь*. В метафорах *разгневанно цветут каштаны* и *безутешно струятся ручьи* именно наречия за счет своей интенсивности создают образы, обладающие существенной силой воздействия.

Как видим, в случае нарушения лексической сочетаемости наречий (что и является маркером присутствия важных смыслов) лингвистический комментарий на первом этапе также заключается в выявлении, восстановлении типичной сочетаемости, а в дальнейшем для понимания образа необходимо установить, построен ли он на метафоре (в этом случае формулу можно переделать в сравнение) или метонимии (тогда конструкцию можно восстановить, развернуть).

Как уже было отмечено в начале данного пункта, все морфологические формы и разряды, попадающие в зону переходности, как правило, заметны в тексте, поскольку в данном случае часто имеет место не только наложение семантики различных грамматических явлений, но и нарушение (смещение, размывание) норм образования формы («пульсирования» у нее ненормативных грамматических признаков), а также сочетаемости с ней и т.д., что и является маркерами присутствия в форме значимых (и/или выразительных) для понимания текста смыслов. Основным же видом работы здесь будет лингвистический комментарий, заключающийся в рассмотрении соотношения грамматической и лексической семантики того или иного тропа (образа): необходимо выделить только те грамматические признаки, которые поддерживают, дублируют основную семантическую или эмоциональную направленность образа, создаваемую лексическими средствами (или единицами любого языкового уровня, выходящими на первый план).

Другими словами, в конкретном поэтическом тексте будут востребованы только определенные грамматические признаки словоформы, а не весь комплекс.

При работе с различными аспектами переходных явлений в морфологии целесообразно использовать приемы и методы работы, направленные на активизацию деятельности студентов в процессе обучения (целый ряд таких приемов описан в статье Т. Ф. Новиковой [29]). Например, это такие методы, как кластер (когда учащиеся используют все свои знания, приводят все имеющиеся сведения по той или иной теме, а затем упорядочивают их, пытаясь систематизировать и применить к заданной ситуации), метод проблемного обучения (когда преподаватель направляет студентов, задавая проблемные вопросы), индивидуальные сообщения (если анализ образа предполагает привлечение исторических, социальных или каких-либо других дополнительных сведений), работа со словарями, обращение к медиаресурсам, в частности к Национальному корпусу русского языка и проч.

Наблюдение над релятивными (служебными) частями речи

Безусловно, релятивные части речи приобретают, уточняют свое значение только рядом со знаменательными. Ранее для создания выразительности они считались бесперспективными. Однако в конце XX века появились исследования, раскрывающие экспрессивный потенциал служебных частей речи [21, с. 403]. Мы также считаем, что в поэтическом тексте они могут передавать важные для понимания произведения смыслы и создавать выразительность.

В первую очередь такой способностью, несомненно, обладают частицы, в семантике которых заложены различные эмоционально-экспрессивные оттенки:

1. Я снимал на видео фасады

Обожженных лиц и душ бойцов...

Где такие отольют награды,

Для уже ненужных храбрецов? (по [21, с. 417]).

Всего лишь одно слово *уже* выражает всю глубину трагедии — невосполнимые для каждого потери, которые неизбежны во время войны.

Реже актуализируют смыслы союзы. Прежде всего это связано с их стилистической маркированностью, однако ею обладает далеко не каждый союз:

2. Площе досок в воде — духота.

Небосвод завалился ольхою.

Этим звездам к лицу б хохотать,

Ан вселенная — место глухое (по [21, с. 409]).

Что касается предлогов, то часто они создают выразительность текста и актуализируют важные смыслы в окказиональных конструкциях, где нарушается сочетаемость слов, когда в тропах возникают переносные значения, например:

3. Везде холера, всюду карантины,

И отпущенья вскорости не жди.

А перед ним пространные картины

И в скудных окнах долгие дожди [38].

Здесь, как и в случае нарушения лексической сочетаемости наречий, лингвистический комментарий предполагает вначале восстановление нормативной конструкции: дождь может идти *на улице, за окнами*. Употребление же предлога в приведенном контексте позволяет изменить ракурс, нарушить стандарты восприятия. Всего лишь замена предлога кардинально меняет картину: мы понимаем, что лирический субъект не выходит из дома очень давно (и эти смыслы выражаются и лексическими средствами — *ка-*

рантины). Читатель в своем сознании и воображении воссоздает образ затхлой (на это влияет эпитет *скудные*) квартиры (дома), откуда давно ушла жизнь.

4. Внезапно мать мембрану подняла —
Сон сорвался, дитя проснулось,
Оно кричит. Из темного угла
Вся тишина **в него** метнулась [46, с. 270].

Здесь лингвистический комментарий предполагает анализ всех частей речи, участвующих в конструкции: это и употребление определительного местоимения *вся* по отношению к абстрактному существительному *тишина*, и неожиданно динамичная для семантики этого существительного глагольная метафора *метнулась*. Однако примечательно, что эту динамику и нестандартность ситуации активно поддерживает нейтральный, казалось бы, предлог *в*, который совершенно меняет расстановку сил: не крик проснувшегося ребенка рванул в тишину (что было бы более привычной картиной), а наоборот — тишина обрушилась на него. Это образ, понятный каждому человеку: ребенку темнота очень страшна, и детское воображение может представить существование в ней каких угодно чудовищ. Это не может не отразиться на эмоциональном фоне — страх (скорее, даже ужас) ребенка, тревога матери, общая атмосфера предчувствия какой-то беды.

Ранее в своих работах мы уже отмечали, какие необычные, выразительные, эмоционально напряженные образы создает за счет именно нестандартного употребления предлогов в своих стихах Г. Иванов [19]:

5. И сорок лет спустя мы спорим,
Кто виноват и почему.
Так в страшный час **над** Черным морем
Россия рухнула **во** тьму.
6. **За** пределами жизни и мира,
В пропастях ледяного эфира
Все равно не расстанусь с тобой!
И Россия, как белая лира,
Над засыпанной снегом судьбой.
7. Обледенелые миры
Пронизывает боль тупая...
Известны правила игры.
Живи, от них не отступая:
Направо — тьма, налево — свет,
Над ними время и пространство.
Расчисленное постоянство...
А дальше?
Музыка и бред.

В данном случае будет уместным дать индивидуальное сообщение студентам, чтобы более глубоко понять картину мира поэта. Она вследствие его вынужденной эмиграции характеризуется острейшими эмоциями, и поэтому ее отличает нарушенное размещение жизненного пространства человека и особенное представление о пути души после смерти. В пятом примере дважды нарушаются наши стандартные пространственные представления за счет предлогов — *рухнула над морем* (не *в* море) и *над морем рухнула во тьму* (объединяются, по сути, антонимичные предлоги, указывающие на противоположные направления — вверх и вниз). Это образ эмигрантской России. После революции за границу уезжали в основном морем, через Турцию. И данная метафора передает читателю всю трагедию множества сломанных судеб — люди отплыли от берегов Советской

России, но своей цели, нового берега (новой жизни) не достигли, потому что не смогли полностью адаптироваться в эмиграции, не смогли морально оторваться от старой жизни, как бы зависнув *над Черным морем* навсегда. Еще более трагичной является метафора *Россия рухнула во тьму*. Она говорит о том, что все последующее после отъезда из России воспринималось автором как мрак, а следовательно, как полное отсутствие жизни, движения, радости и счастья.

В какой-то степени похожим является и образ в шестом примере — *Россия как белая лира над засыпанной снегом судьбой*. Эмигранты первой волны так никогда и не забудут свою жизнь в России, и в большинстве своем будут от этого глубоко несчастны. Россия всю оставшуюся жизнь будет *над* ними — как недостижимая мечта, икона, святыня.

В ходе лингвистического анализа обращаем внимание студентов на то, что в метафоре седьмого отрывка *направо — тьма, налево — свет, над ними время и пространство* тьма (ад) и свет (рай) располагаются не привычно внизу и наверху, а направо и налево; а время и пространство (т.е. человеческая жизнь) — *над* ними (та же позиция зависания, что и в предыдущих контекстах). Если эти три образа касаются жизни русской эмиграции, то метафоры *за пределами жизни и мира...* в шестом примере относятся к смерти. Здесь нарушение стандартов восприятия больше связано с объединением существительных *жизни и мира* в один ряд однородных членов с предлогом *за*. Это выводит лирического героя из числа живых. *В пропастях ледяного эфира* — лирическому герою жизнь после смерти представляется безграничными ледяными пространствами. Счастья не было при жизни, но и смерть не принесет душе эмигранта покоя. Обращаем внимание студентов, как, мрачная, трагическая картина, эмоциональная атмосфера отчаяния и безысходности многих лирических произведений Г. Иванова очень часто создается такой маловыразительной частью речи, как предлог.

Что касается работы с данной частью речи на занятиях по «Филологическому анализу текста», то, видимо, меньше затруднений у студентов вызовет трактовка текстов, где важную роль играют частицы. Из всех служебных частей речи они обладают наиболее определенной (самостоятельной) семантикой, которая зафиксирована в словарях. Употребление предлогов в ненормативных конструкциях, как правило, достаточно легко замечается носителями языка и само по себе является маркером. Проводя работу с подобными контекстами, целесообразно предложить студентам восстановить узусную, нормативную конструкцию и сравнить их, а затем проанализировать, какие смыслы привносят в семантику текста подобный «синтаксический окказионализм».

Наибольшие затруднения у студентов может вызвать работа с союзами, которые обладают самой абстрактной семантикой. Однако они в качестве экспрессивных средств и выразителей значимых смыслов произведения используются крайне редко.

Наблюдение над переносным употреблением грамматических форм и стилистически окрашенными грамматическими формами (примеры в данном пункте по [22])

1. **Переносное, или функциональное употребление** форм (транспозиция) наблюдается у глаголов и у личных местоимений. Если у местоимений это ограничивается в основном категорией лица, то у глаголов транспозиции могут быть подвержены большинство глагольных признаков — наклонение, время, лицо, число, род. Данный процесс также рассматривают как грамматическую метафору: *Красоту только тронь* (= если тронешь) *небрежной рукой — она исчезнет навеки* (К. Паустовский); *Ему хочется пыль пустить, а я вот сиди* (=должен сидеть) *и работай* (=должен работать) *как каторжник* (А. Чехов). *Из шатра, толпой любимцев окруженный, выходит Петр* (=вышел) (А. Пушкин). В ходе лингвистического анализа необходимо обратить внимание студентов на то, что прямые значения времен и наклонений глагола актуализируют

только временную семантику или семантику соответствующего наклонения, лица, числа. При переносном же их употреблении, вследствие расхождения между значением формы глагола и общим значением контекста всего предложения, возникает многоплановость высказывания, различные эмоциональные обертоны.

2. *Употребление различных грамматических единиц* (частей речи или отдельных форм) в переносном значении. Это, как правило, приводит к тому, что словоформы уже не воспринимаются нейтральными — у них возникает стилистическая окраска, в основном разговорная. Чаще всего это связано с намеренным нарушением норм — при создании, например, речевой характеристики персонажа — с имитацией ошибки, неграмотной речи: *Самый что ни на есть, **первеющий** барин* (А. Эртель); *Товарищ Нагульнов! Обожди, не подымай **оружию*** (М. Шолохов); *Развяжи, брат, совестно перед людьми... — **Врешь, убеgeшь**, в хате развяжу* (А. Серафимович).

Или в целях усиления воздействия речи: *Но что там хорошо, так это **купец!** **Всем купцам купец**. Уж коли **угостит** тебя, **так угостит!*** (А. Чехов). Обращаем внимание студентов на то, что в подобных случаях имеют место так называемые синтаксические фразеологизмы — определенные модели, составные части которых всегда находятся в одной и той же форме, но могут выражаться разными словами. Например, *всем пирогам пирог, всем праздникам праздник*: местоимение *всем* + существительное во множественном числе дательном падеже + существительное в единственном числе именительном падеже. Кроме того, в данном контексте имеет место употребление существительного *купец* в собирательном значении (все купцы). Примечательно, что подобную семантику передает и другая модель: глагол в третьем лице единственном числе будущего времени + частица *так* + глагол в аналогичной форме, например, *запоет так запоет, покрасит так покрасит*. И та, и другая модель выражает значение превосходной степени, выступает в переносном значении и является стилистически окрашенной (разговорной).

Рассмотренные нами выше формы множественного числа от существительных *Singularia tantum* также обладают способностью к варьированию стилистической окраски: *На Дальнем Востоке и в Маньчжурии белогвардейские восстания, товарищ. Мы не имеем времени отправлять какие-то экспедиции с **буддами*** (Вс. Иванов). В данном контексте употребление существительного *будда* (который, как известно, один) в форме множественного числа призвано усилить экспрессивность высказывания, выразив резко отрицательную эмоциональную оценку — пренебрежение (сейчас не время заниматься такими глупостями).

Или это обусловлено прагматикой высказывания — определенными целями и намерениями: *Пустите, **ветреники** сами, опомнитесь, вы старики* (А. Грибоедов). В данном случае у персонажа (служанки) цель — выйти из неприятной ей ситуации и одновременно проявить почтение к хозяину. Для подобных ситуаций используется форма существительного множественного числа вместо требуемого по норме языка единственного числа (*ветреники*) — чтобы было понятно, что это вежливое обращение на *вы*.

Разговорная стилистическая окраска возникает у существительных и в форме множественного, и в форме единственного числа, когда они употребляются в обобщенно-собирательном значении: *Если в **лекаря** противно, или бы в **министры*** (А. Чехов); *Всякого **зверя** в степях и в лесах было невероятное количество* (С. Т. Аксаков). В последнем случае при употреблении существительного *зверь* в единственном числе вместо множественного имеется в виду ‘животных разных видов’.

Для создания выразительности путем придания грамматическим единицам стилистической окраски и возникновения переносного значения продуктивны и неизменяемые формы — инфинитив (в значении различных наклонений и времен) и междометия, об-

разованные от глаголов: *И новые друзья ну обниматься* (И. Крылов); *Окунь сорвался с крючка, запрыгал по травке к родной стихии и... бултых в воду!* (А. Чехов). В подобных случаях междометие совмещает в себе свойства единиц сразу нескольких уровней — словообразовательного (так как является окказионализмом), морфологического (так как приобретает грамматический статус знаменательной части речи) и синтаксического (так как начинает выполнять в предложении функции самостоятельных частей речи — прежде всего сказуемого). Поэтому подобные образования всегда крайне экспрессивны.

Маркером наличия выразительности и значимых смыслов в большинстве случаев здесь является ненормативность того или иного средства, которую, как правило, легко заметить. Для работы с подобными стилистически окрашенными единицами студентам будет целесообразно ознакомиться со списком эмоций, который можно найти в Интернете. Это поможет определить тональность контекста более точно, поскольку, как показывает наша многолетняя работа, студенты испытывают затруднения в этом вопросе. Они не знают всего спектра эмоций, ограничиваясь небольшим их набором, а также не всегда точно могут сориентироваться в степени их проявления в том или ином контексте (сильные/слабые). Поскольку при переносном употреблении частей речи, как правило, меняется стилистический регистр словоформы или конструкции, то в подобных случаях, несомненно, будет уместным стилистический или лингвистический анализ контекста.

Наблюдение над расположением морфологических средств в поэтическом тексте

Поскольку морфологические средства являются частью грамматики (учения о строении языка), они обладают способностью к выражению многоаспектной семантики не только за счет значений частей речи, разрядов и форм, но и за счет их расположения, в частности — нагнетания, стяжения одних и тех же грамматических форм, которые могут быть как соположенными (одного плана), так и контрастными (их повтор и есть маркер):

1. *Страх это? Горе? Раздумье? Иль что ж это?*

В губы горячие вложено

Все, чем Москва омоложена,

Чем молодая расширена,

Чем мировая встревожена,

Грозная утихомирена [25, с. 393].

2. *Как люб мне натугой живущий,*

Столетьем считающий год,

Рождающий, спящий, орущий,

К земле пригвожденный народ [25, с. 248].

В ходе лингвистического (семантического) анализа студенты должны усвоить механизм действия соположенных и контрастных форм: соположенные за счет повтора «работают» на усиление, контрастные — на выявление противоположности. И то, и другое (по утверждению психологов) в первую очередь замечается в тексте реципиентом, и поэтому именно на данных двух приемах построены наиболее выразительные средства языка и речи. В первом контексте присутствуют соположенные формы — все краткие страдательные причастия прошедшего времени, призванные отобразить действие, которое совершается не субъектом (в данном случае Москвой, а значит, людьми, которые там живут — это метонимия), а над ним (ними). Данный повтор работает на усиление смысла ‘нечто, совершающееся помимо воли’. Во втором контексте целый ряд действительных причастий настоящего времени несовершенного вида (следовательно, указывающих на действие

длящееся, не имеющее предела) контрастируют с единственным страдательным причастием прошедшего времени, которое как бы «ставит точку» в истории страны, поскольку форма совершенного вида обозначает действие, полностью законченное в определенный момент. При повторе (соположенности) и при контрасте могут либо повторяться, либо противопоставляться любые грамматические признаки любых частей речи — число, род, вид, время, лицо и проч. Для морфологических средств, обладающих менее определенной (конкретной) семантикой, по сравнению с лексическими, эти два типа расположения в художественном тексте являются способами уточнения и усиления значения.

Понятно, что в таких случаях маркером присутствия важных смыслов является наличие целого ряда грамматических форм (или частей речи, разрядов) одного плана на ограниченном участке текста. А основным видом работы будет соотнесение грамматического значения этих форм с семантикой образа.

Заключение

Таким образом, нами выявлены морфологические средства, которые могут актуализировать основные смыслы произведения и создавать выразительность: разные возможности разных частей речи к выражению значимой для понимания художественного произведения семантики; наиболее значимые случаи проявления переходности среди частей речи, лексико-грамматических разрядов и форм; возникновение у морфологических средств переносных, стилистически окрашенных значений, а также особенности расположения форм и частей речи. Именно этим аспектам использования единиц морфологического уровня необходимо уделить основное внимание при анализе художественного (прежде всего поэтического) текста.

Кроме того, мы выделили маркеры присутствия у формы или части речи переносной, образной, многоаспектной семантики, которые помогут студентам обнаружить особые функции морфологических средств в художественном произведении: частеречная принадлежность (или принадлежность к тому или иному лексико-грамматическому разряду), нарушение (смещение) языковой нормы, приобретение нетипичных для части речи или формы грамматических признаков или сочетаемости, а также стяжение, нагнетание одноплановых или контрастных словоформ.

Поскольку грамматические средства редко являются основными выразителями смыслов, значимых для понимания художественного произведения, а, как правило, поддерживают, дублируют семантику, выраженную единицами лексического уровня, то их выявление, по сравнению с лексическими, представляет для студентов определенную сложность. Поэтому главным приемом при работе с морфологическими средствами поэтического текста является наблюдение с опорой на маркеры, т.е. лингвистический комментарий, в котором, в зависимости от конкретных особенностей, акцент может смещаться на грамматику, семантику, синтаксические характеристики, стилистику. Кроме того, часто бывает необходима работа со словарями или обращение к медиаресурсам за дополнительной информацией. Возможны и виды работ, активизирующие деятельность студентов, — индивидуальные сообщения, метод проблемного обучения, кластер.

Список источников

1. Асеев Н. Стихотворения и поэмы. М. : Советская Россия, 1983. 272 с.
2. Ахмадулина Б. Уроки музыки. URL: <https://rustih.ru/bella-axmadulina-uroki-muzyki/?ysclid=m1vqvhnfr319246056> (дата обращения: 03.10.2024).
3. Ахматова А. Сочинения : в 2 т. М. : Правда, 1990.
4. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М. : Дрофа, 2000. 640 с.
5. Бондаренко М. А. Приемы работы с текстом при подготовке к ЕГЭ. Система работы по формированию умений комментировать проблематику текста // Русский язык в школе. 2013. № 2. С. 3—9.

6. Бочковская Н. В. Взаимодействие морфологического и синтаксического уровней как тенденция к аналитизму русского языка // Вестник Приднестровского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (46). С. 26—29.
7. Варганова О. В. Читаем и говорим о кошках. Цикл занятий по анализу художественного текста // Русский язык за рубежом. 2010. № 1 (218). С. 4—15.
8. Винокуров Е. М. Она: Стихи о любви. 2-е изд., доп. М.: Молодая гвардия, 1984. 175 с.
9. Вознесенский А. Вальс при свечах. URL: <https://www.culture.ru/poems/8296/vals-pri-svechakh?ysclid=m1vqwxuu2e224781964> (дата обращения: 03.10.2024).
10. Волошин М. Стихотворения. М.: Книга, 1989. 544 с.
11. Голев Н. Д. Антиномии русской морфологии: коммуникативное vs когнитивное; синтагматическое vs номинативное // СибСкрипт. 2024. Т. 26, № 1 (101). С. 94—107. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-1-94-107.
12. Дворкина А. И. Опыт анализа современного поэтического текста со студентами гуманитарного профиля // Русский язык в современном мире. 2009. № 1. С. 140—144.
13. Дмитриева Е. И. Морфологические средства выражения компаративности в немецком и русском языках // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 11. С. 149—155.
14. Zubova L. V. Категория рода и лингвистический эксперимент в современной русской поэзии // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании / ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. СПб.: Наука, 2000. С. 194—210. [Цит. по: URL: <https://frkr.ru/ABOUT/zubova1.html>]
15. Иванов Г. В. Стихотворения. М.: Эллис Лак, 2006. 318 с.
16. Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М.: Наука, 1986. 253 с.
17. Криницкая М. Ю., Борзова Т. А. Потенциал оценочного средства для определения уровня сформированности компетенций в вузе // Педагогическое образование в России. 2024. № 1. С. 33—43.
18. Кузмин М. Избранные произведения. Л.: Худож. литература. Ленингр. отд-ние, 1990. 574 с.
19. Кузнецова Н. Н. Выражение концептуальной картины мира при помощи экспрессивного употребления предлогов в поэзии Г. Иванова // Русский язык: человек, культура, коммуникация-II: сб. статей. Екатеринбург: УГТУ—УПИ, 2010. С. 144—149.
20. Кузнецова Н. Н. Методические приемы работы над лексическими средствами на занятиях по дисциплине «Филологический анализ текста» в педагогическом вузе // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. № 3 (31). С. 316—335. URL: http://vestospu.ru/archive/2019/articles/22_31_2019.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.31.22.
21. Кузнецова Н. Н. Средства создания экспрессивности в русской поэзии XX века. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 639 с.
22. Кузнецова Н. Н. Учебно-методическое пособие по филологическому анализу текста (для студентов филологического факультета). Оренбург: ГБУ РЦРО, 2014. 64 с.
23. Кузнецова Н. Н., Межебовская В. В. Средства словообразовательного уровня в поэтическом тексте // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2 (105). С. 391—394.
24. Лошаков А. Г. Свет и тьма в «Синих гусарах» Николая Асеева (Опыт филологического анализа текста) // Русский язык в школе. 2015. № 12. С. 38—46.
25. Мандельштам О. Э. Избранное. Смоленск: Русич, 2000. 448 с.
26. Маркина Е. Е. Мифоним-название и его реализация в поэтическом тексте (Фрагмент занятия со студентами V курса) // Русский язык в школе. 2005. № 1. С. 107—111.
27. Михайлова И. Д. Изучение курса «Мышление и письмо» в педагогическом вузе: концепция и формы работы // Русский язык в школе. 2020. Т. 81, № 4. С. 94—103.
28. Набоков В. В. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1991. 574 с.
29. Новикова Т. Ф. Активные методы и приемы работы с учебной информацией на вузовском занятии // Русский язык в школе. 2012. № 5. С. 87—92.
30. Новикова Т. Ф. Культуроориентированные приемы работы с текстом и со словом в тексте // Русский язык в школе. 2011. № 12. С. 3—9.
31. Остренкова М. А. «У огня снежинку разобрать» (об особенностях филологического анализа текста в школе) // Русский язык в школе. 2008. № 4. С. 10—15.
32. Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М.: Худож. литература, 1990. 511 с.
33. Перебатова Ю. А. Морфологический и лексический анализ произведения И. Бунина «Заря всю ночь» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 1-3 (88). С. 65—69. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-1-3-65-69.
34. Пономарева Л. Д. Методический анализ текста как способ формирования профессиональной компетентности учителя русского языка // Русский язык в школе. 2016. № 2. С. 3—7.

35. Романова А. А. Исследование социокультурной компетенции школьников: ход и результаты констатирующего этапа опытно-экспериментальной работы // Вестник науки. 2024. Т. 2, № 1 (70). С. 572—577. URL: <https://www.vestnik-nauki.pf/article/12333>.
36. Рябкова Ю. Е. Типология существительных, участвующих в процессе категоризации пространственных отношений в современном русском языке // Современный ученый. 2024. № 1. С. 70—77. URL: <https://su-journal.ru/wp-content/uploads/2024/01/su-1.pdf>.
37. Самойлов Д. Белые стихи. URL: <https://www.culture.ru/poems/25213/belye-stikhi?ysclid=m1vqt1ot9x465877528> (дата обращения: 03.10.2024).
38. Самойлов Д. Болдинская осень. URL: <https://www.culture.ru/poems/25210/boldinskaya-osen?ysclid=m1vqysfbmc627215486> (дата обращения: 03.10.2024).
39. Самойлов Д. Крылья холопа. URL: <https://www.culture.ru/poems/25150/krylya-kholopa?ysclid=m1vqnak2i5536974670> (дата обращения: 03.10.2024).
40. Самойлов Д. Пестель, Поэт и Анна. URL: <https://www.culture.ru/poems/25118/pestel-poet-i-anna?ysclid=m1vqnrn6keo880197361> (дата обращения: 03.10.2024).
41. Самойлов Д. Хочу, чтобы мои сыны. URL: <https://www.culture.ru/poems/25068/khochu-chtoby-moi-syny?ysclid=m1vqq565tw647283898> (дата обращения: 03.10.2024).
42. Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 3 : 3 — Круг. М. : Языки славянских культур, 1998. 792 с.
43. Темникова Н. Ю., Царева Ю. В. Работа со словарями выразительных средств русского языка на занятиях по дисциплинам речеведческого цикла в техническом вузе // Наука и образование транспорту. 2014. № 1. С. 345—347.
44. Хайрутдинова Г. А. Морфологические средства создания художественного образа в контексте проблемы эстетики языковых единиц // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. 5. С. 279—286.
45. Хайрутдинова Г. А., Чжан Синьсинь. Об изучении эстетических ресурсов категории числа существительных (на материале произведений русской поэзии XX века) // Филология и культура. 2015. № 4 (42). С. 164—168.
46. Ходасевич В. Ф. Собрание стихов. М. : Центурион, Интерпракс : Фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
47. Шелякина В. В. Средства выражения интенсивности и их роль в создании образа города в рассказе Л. Н. Андреева «Проклятие зверя» // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 1. С. 57—66. DOI: 10.30515/0131-6141-2024-85-1-57-66.
48. Широких А. Ю. Экспрессивная морфология в публицистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (54), часть 4. С. 214—217.
49. Шмольская Л. С., Веккесер М. В., Мамаева С. В., Славкина И. А. Приемы работы с художественным произведением на занятиях по филологическому анализу текста // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сб. науч. статей. 2019. № 10. С. 255—260.

References

1. Aseev N. *Stikhotvoreniya i poemu* [Poems and narrative poems]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1983. 272 p. (In Russian)
2. Akhmadulina B. *Uroki muzyki* [Music lessons]. Available at: <https://rustih.ru/bella-axmadulina-uroki-muzyki/?ysclid=m1vqvzhnfp319246056>. Accessed: 03.10.2024. (In Russian)
3. Akhmatova A. *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 volumes]. Moscow, Pravda Publ., 1990. (In Russian)
4. Babaitseva V. V. *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [Transitivity phenomena in Russian grammar]. Moscow, Drofa Publ., 2000. 640 p. (In Russian)
5. Bondarenko M. A. Priemy raboty s tekstom pri podgotovke k EGE. Sistema raboty po formirovaniyu umenii kommentirovat' problematiku teksta [Techniques for working with text to prepare for the Unified State Exam. A system of developing the ability to comment on the problems of the text]. *Russkii yazyk v shkole — Russian Language at School*, 2013, no. 2, pp. 3—9. (In Russian)
6. Bochkovskaya N. V. Vzaimodeistvie morfologicheskogo i sintaksicheskogo urovnei kak tendentsiya k analitizmu russkogo yazyka [Interaction of morphological and syntactic levels as a tendency towards analyticity of the Russian language]. *Vestnik Pridnestrovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2014, no. 1 (46), pp. 26—29. (In Russian)
7. Varganova O. V. Chitaem i govorim o koshkakh. Tsikl zanyatii po analizu khudozhestvennogo teksta [Reading and speaking about cats. Cycle studies analyzing fiction]. *Russkii yazyk za rubezhom*, 2010, no. 1 (218), pp. 4—15. (In Russian)

8. Vinokurov E. M. *Ona: Stikhi o lyubvi. 2-e izd., dop.* [She: Poems about love. 2nd ed., add.]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1984. 175 p. (In Russian)
9. Voznesenskii A. *Val's pri svechakh* [Waltz by candlelight]. Available at: <https://www.culture.ru/poems/8296/vals-pri-svechakh?ysclid=m1vqwxuu2e224781964>. Accessed: 03.10.2024. (In Russian)
10. Voloshin M. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 544 p. (In Russian)
11. Golev N. D. Antinomii russkoi morfologii: kommunikativnoe vs kognitivnoe; sintagmatischeskoe vs nominativnoe [Antinomies of Russian Morphology. Communicative vs. Cognitive. Syntagmatic vs. Nominative]. *SibSkript*, 2024, vol. 26, no. 1 (101), pp. 94—107. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-1-94-107. (In Russian)
12. Dvorkina A. I. Opyt analiza sovremennogo poeticheskogo teksta so studentami gumanitarnogo profilya [Experience of analyzing a modern poetic text with students of the humanities profile]. *Russkii yazyk v sovremennom mire*, 2009, no. 1, pp. 140—144. (In Russian)
13. Dmitrieva E. I. Morfologicheskie sredstva vyrazheniya komparativnosti v nemetskom i russkom yazykakh [Morphological means of expressing comparativeness in German and Russian languages]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2011, no. 11, pp. 149—155. (In Russian)
14. Zubova L. V. Kategoriya roda i lingvisticheskii eksperiment v sovremennoi russkoi poezii [Category of gender and linguistic experiment in modern Russian poetry]. *Problemy funktsional'noi grammatiki. Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii* [Problems of functional grammar. Categories of morphology and syntax in the utterance]. St. Peytersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 194—210. Available at: <https://frkr.ru/ABOUT/zubova1.html>. (In Russian)
15. Ivanov G. V. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2006. 318 p. (In Russian)
16. Kozhevnikova N. A. *Slovoupotreblenie v russkoi poezii nachala XX veka* [Word usage in Russian poetry of the early twentieth century]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 253 p. (In Russian)
17. Krinitskaya M. Yu., Borzova T. A. Potentsial otsenочноgo sredstva dlya opredeleniya urovnya sformirovannosti kompetentsii v vuze [The potential of assessment tools to determine the level of competence in the university]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii — Pedagogical Education in Russia*, 2024, no. 1, pp. 33—43. (In Russian)
18. Kuzmin M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, Khudozh. literatura. Leningr. otd-nie Publ., 1990. 574 p. (In Russian)
19. Kuznetsova N. N. Vyrazhenie kontseptual'noi kartiny mira pri pomoshchi ekspressivnogo upotrebleniya predlogov v poezii G. Ivanova [Expression of the conceptual picture of the world through the expressive use of prepositions in the poetry by G. Ivanov]. *Russkii yazyk: chelovek, kul'tura, kommunikatsiya-II: sbornik statei* [Russian language. Man, culture, communication-II. Collect. of articles]. Yekaterinburg, UGTU—UPI Publ., 2010, pp. 144—149. (In Russian)
20. Kuznetsova N. N. Metodicheskie priemy raboty nad leksicheskimi sredstvami na zanyatiyakh po distsipline “Filologicheskii analiz teksta” v pedagogicheskom vuze [Methodical techniques of vocabulary training at the lessons in philological analysis of the text in a pedagogical university]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2019, no. 3 (31), pp. 316—335. Available at: http://vestospu.ru/archive/2019/articles/22_31_2019.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.31.22. (In Russian)
21. Kuznetsova N. N. *Sredstva sozdaniya ekspressivnosti v russkoi poezii XX veka* [Means of creating expressiveness in Russian poetry of the 20th century]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing Publ., 2011. 639 p. (In Russian)
22. Kuznetsova N. N. *Uchebno-metodicheskoe posobie po filologicheskomu analizu teksta (dlya studentov filologicheskogo fakul'teta)* [Educational and methodological manual on philological analysis of the text (for students of the Faculty of Philology)]. Orenburg, GBU RTsRO Publ., 2014. 64 p. (In Russian)
23. Kuznetsova N. N., Mezhebovskaya V. V. Sredstva slovoobrazovatel'nogo urovnya v poeticheskom tekste [Means of the word-formation level in a poetic text]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya — The World of Science, Culture and Education*, 2024, no. 2 (105), pp. 391—394. (In Russian)
24. Loshakov A. G. Svet i t'ma v “Sinikh gusarakh” Nikolaya Aseeva (Opyt filologicheskogo analiza teksta) [Light and darkness in Nikolai Aseev's “Blue Hussars” (An experiment in philological analysis of the text)]. *Russkii yazyk v shkole — Russian Language at School*, 2015, no. 12, pp. 38—46. (In Russian)
25. Mandel'shtam O. E. *Izbrannoe* [The Selected]. Smolensk, Rusich Publ., 2000. 448 p. (In Russian)
26. Markina E. E. Mifonim-nazvanie i ego realizatsiya v poeticheskom tekste (Fragment zanyatiya so studentami V kursa) [Mythonym — title and its implementation in a poetic text (Fragment of a lesson with 5th-year students)]. *Russkii yazyk v shkole — Russian Language at School*, 2005, no. 1, pp. 107—111. (In Russian)
27. Mikhailova I. D. Izuchenie kursa “Myshlenie i pis'mo” v pedagogicheskom vuze: kontseptsiya i formy raboty [Learning of the “Thinking and writing” course at a Pedagogical University: Concept and forms of work]. *Russkii yazyk v shkole — Russian Language at School*, 2020, vol. 81, no. 4, pp. 94—103. (In Russian)

28. Nabokov V. V. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and narrative poems]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991. 574 p. (In Russian)
29. Novikova T. F. Aktivnye metody i priemy raboty s uchebnoi informatsiei na vuzovskom zanyatii [Active methods and techniques of working with educational information at a university lesson]. *Russkii yazyk v shkole — Russian Language at School*, 2012, no. 5, pp. 87—92. (In Russian)
30. Novikova T. F. Kul'turoorientirovannye priemy raboty s tekstom i so slovom v tekste [Culture-oriented techniques for working with text and with words in text]. *Russkii yazyk v shkole — Russian Language at School*, 2011, no. 12, pp. 3—9. (In Russian)
31. Ostrenkova M. A. “U ognya snezhinku razobrat” (ob osobennostyakh filologicheskogo analiza teksta v shkole) [“To analyze a snowflake by the fire” (about the features of philological analysis of a text in school)]. *Russkii yazyk v shkole — Russian Language at School*, 2008, no. 4, pp. 10—15. (In Russian)
32. Pasternak B. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and narrative poems]. Moscow, Khudozh. literatura Publ., 1990. 511 p. (In Russian)
33. Perebatova Yu. A. Morfologicheskii i leksicheskii analiz proizvedeniya I. Bunina “Zarya vsyu noch” [Morphological and lexical analysis of I. Bunin’s work “Dawn all night”]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk — International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2024, no. 1—3 (88), pp. 65—69. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-1-3-65-69. (In Russian)
34. Ponomareva L. D. Metodicheskii analiz teksta kak sposob formirovaniya professional’noi kompetentnosti uchitelya russkogo yazyka [Methodological analysis of the text as a way of developing professional competence of a Russian language teacher]. *Russkii yazyk v shkole*, 2016, no. 2, pp. 3—7. (In Russian)
35. Romanova A. A. Issledovanie sotsiokul’turnoi kompetentsii shkol’nikov: khod i rezul’taty konstatiruyushchego etapa opytно-eksperimental’noi raboty [Study of socio-cultural competence of schoolchildren: course and results of ascertaining stage of experimental work]. *Vestnik nauki*, 2024, vol. 2, no. 1 (70), pp. 572—577. Available at: <https://www.вестник-науки.рф/article/12333>. (In Russian)
36. Ryabkova Yu. E. Tipologiya sushchestvitel’nykh, uchastvuyushchikh v protsesse kategorizatsii prostranstvennykh otnoshenii v sovremennom russkom yazyke [Types of nouns in process of categorization of spatial relations in the Russian language]. *Sovremennyye uchenyye — Modern Scientist*, 2024, no. 1, pp. 70—77. Available at: <https://su-journal.ru/wp-content/uploads/2024/01/su-1.pdf>. (In Russian)
37. Samoilov D. *Belye stikhi* [Blank Verse]. Available at: <https://www.culture.ru/poems/25213/belye-stikhi?ysclid=m1vqt1ot9x465877528>. Accessed: 03.10.2024. (In Russian)
38. Samoilov D. *Boldinskaya osen’* [Boldino Autumn]. Available at: <https://www.culture.ru/poems/25210/boldinskaya-osen?ysclid=m1vqysfbmc627215486>. Accessed: 03.10.2024. (In Russian)
39. Samoilov D. *Kryl’ya kholopa* [Wings of a Slave]. Available at: <https://www.culture.ru/poems/25150/krylya-kholopa?ysclid=m1vqnak2i5536974670>. Accessed: 03.10.2024. (In Russian)
40. Samoilov D. *Pestel’, Poet i Anna* [Pestel, Poet and Anna]. Available at: <https://www.culture.ru/poems/25118/pestel-poet-i-anna?ysclid=m1vqrm6keo880197361>. Accessed: 03.10.2024. (In Russian)
41. Samoilov D. *Khochu, chtoby moi syny* [I Want My Sons]. Available at: <https://www.culture.ru/poems/25068/khochu-htoby-moi-syny?ysclid=m1vqq565tw647283898>. Accessed: 03.10.2024. (In Russian)
42. *Slovar’ yazyka russkoi poezii XX veka. T. 3* [Dictionary of the language of Russian poetry of the twentieth century. Vol. 3]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul’tur Publ., 1998. 792 p. (In Russian)
43. Temnikova N. Yu., Tsareva Yu. V. Rabota so slovaryami vyrazitel’nykh sredstv russkogo yazyka na zanyatiyakh po distsiplinam rechevedcheskogo tsikla v tekhnicheskome vuze [Working with dictionaries of expressive means of the Russian language in class on disciplines of the speech cycle at a vocational college]. *Nauka i obrazovanie transport*, 2014, no. 1, pp. 345—347. (In Russian)
44. Khairutdinova G. A. Morfologicheskie sredstva sozdaniya khudozhestvennogo obraza v kontekste problemy estetiki yazykovykh edinit [Morphological Means for Creating an Artistic Image in the Context of Aesthetics of Language Units]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki — Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 2013, vol. 155, book 5, pp. 279—286. (In Russian)
45. Khairutdinova G. A., Chzhan Sin’sin’. Ob izuchenii esteticheskikh resursov kategorii chisla sushchestvitel’nykh (na materiale proizvedenii russkoi poezii XX veka) [On the aesthetic related noun category of number (based on the works of 20th— century Russian poetry)]. *Filologiya i kul’tura — Philology and Culture*, 2015, no. 4 (42), pp. 164—168. (In Russian)
46. Khodasevich V. F. *Sobranie stikhov* [Collection of poems]. Moscow, Tsentrurion, Interpraks, Fond “Kul’turnaya initsiativa” Publ., 1992. 448 p. (In Russian)
47. Shelyakina V. V. Sredstva vyrazheniya intensivnosti i ikh rol’ v sozdanii obraza goroda v rasskaze L. N. Andreeva “Proklyatie zverya” [Means of expressing the category of intensity and their role in creating the image of the city in L. N. Andreev’s story “The Curse of the Beast”]. *Russkii yazyk v shkole — Russian Language at School*, 2024, vol. 85, no. 1, pp. 57—66. DOI: 10.30515/0131-6141-2024-85-1-57-66. (In Russian)

48. Shirokikh A. Yu Ekspressivnaya morfologiya v publitsistike [Expressive morphology in journalism]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 12 (54), part 4, pp. 214—217. (In Russian)

49. Shmul'skaya L. S., Vekkesser M. V., Mamaeva S. V., Slavkina I. A. Priemy raboty s khudozhestvennym proizvedeniem na zanyatiyakh po filologicheskomu analizu teksta [Techniques for working with a work of art in class on philological analysis of the text]. *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: sb. nauch. statei* [Man and language in the communicative space. A collect. of sci. articles]. 2019, no. 10, pp. 255—260. (In Russian)

Информация об авторе

Н. Н. Кузнецова — доктор филологических наук, профессор

Information about the author

N. N. Kuznetsova — Doctor of Philological Sciences, Professor

Статья поступила в редакцию 05.10.2024; одобрена после рецензирования 03.11.2024;
принята к публикации 20.02.2025

The article was submitted 05.10.2024; approved after reviewing 03.11.2024;
accepted for publication 20.02.2025